

[П/П: Название главы отсылает на сказку «Белоснежка» братьев Гримм]

Перед дымящимися останками Вайзела прозвучал триумфальный крик. Весьма необычное явление для территорий Легиона.

— Черт, получилось! Мы победили! УРА-А-А-А-А!

Кричал Сири из кабины своего Бальдандерс*.

[П/П: Существо из германской мифологии]

Его победный клич разнесся по всему полю боя через парарейд, радиосвязь и внешние динамики.

Их отряд находился на северной оконечности западного фронта Союза, прямо у подножья горы. Она была частью хребта Дракониий труп, через который проходила бывшая граница Империи с Объединенным королевством. Именно сюда назначили 2-ю бронетанковую дивизию ударной группы.

Командир Свободного полка, захватывающего контроль над ближайшей базой, насмешливо улыбнулся. Синхронизация связывала его и Сири, чтобы предотвратить дружественный огонь, ведь расположились они в соседних зонах боевых действий.

— Красивый голос, старший лейтенант. Глубокий баритон... Как-то раз слышал похожий у оперного певца.

— Что вы, спасибо. И, ну... простите. Совсем вылетело из головы, что мы с вами синхронизированы.

Забыл, естественно. Смущенно царапнув щеку, он разорвал связь. Битва выдалась хаотичной — затяжной и раздражающей, — и от победы он разорался во весь голос.

Прежде чем враг успел бы подготовиться, Регинлейвы должны были спуститься в зону на Яростной армии и взять контроль над ситуацией. План Союза предусмотрел все идеально: они столкнулись лишь с горсткой машин Легиона, вероятно, оставленных для защиты Вайзела.

Стратегия Сири с контрмерой против больших типов Легиона, вроде Ночесветки — поразить теплоотводы, — доказала свою эффективность. Однако у Вайзела таковые были больше, и соответственно толще и прочнее, к тому же располагались они в несколько слоев. Не обошлось и без запасных внутренних, из-за которых, казалось бы, поверженная машина ожила. Чего-чего, а это в их планы не входило.

С Сири синхронизировалась новая цель. Это был Ханаан с северной границы районов бывшей Республики.

— Хорошая работа. 3-я бронетанковая, кстати, нейтрализовала цель тридцать минут назад, — отчитался тот деловым голосом, явно насмешливо.

Сири цокнул языком, услышав небрежный тон.

— В пределах погрешности, придурок.

— Ну, быстрее всех с задачей справились солдаты Свободного полка на северном фронте, так что соглашусь. Еще выяснились ограничения моего способа. Если мы не можем с точностью рассчитать расположение управляющего ядра, приходится стрелять вслепую. Кроме того, во всех проемах полно мин и бронированных заслонок. На прорыв через них уходит слишком много времени.

— Ага...

Как правило, они исключали возможность пройти через эти проемы, но в случае Вайзела план казался эффективным.

— Нам удалось собрать данные по внутреннему устройству, потому в следующий раз расчеты будут более точными. Но, думаю, придется забыть про технологические проемы.

— У нас тоже плюс-минус сошлись карты, хотя на уничтожение теплоотводов ушло слишком много времени. Они намного прочнее, чем ты бы мог подумать, да и сам враг огромен. На такой высоте их трудно выцеливать танковой башней. Сейчас все вышло неплохо только потому, что мы сражались на суше, но в морской битве, например, с Ночесветкой, система охлаждения справится и без теплоотводов.

Затем он упомянул, что стоит лучше изучить работу этих систем. Просто чтобы утолить любопытство.

— Ребята из 1-й бронетанковой хотят прорезать броню лезвиями, и потом выпустить внутрь ракеты. Сумасшедшая идея, точно под стать ненормальным Ноузену и его команде. Хотя план, вполне возможно, окажется самым эффективным.

— Если прорубить дыру в броне, в худшем случае даже систему охлаждения можно не выводить из строя. Появляется же возможность уничтожить управляющее ядро или реактор... Кстати говоря, Ноузен и его группа до сих пор сражаются.

«М-М?», — повел бровью Сири.

— Погоди, с ними там Свободный полк Мирмиколон, прототип рельсотрона и еще Ноузен, способный определить ядро врага... Хочешь сказать, они еще не закончили?

— Ну, они ведь против Альциона вышли. Тот же Вайзел, только с рельсовыми пушками. Им нужно подобраться к этой чудовищной птице, попутно разбираясь с вооружением. Могу себе представить, что на это уйдет какое-то время.

— ...Нет, вообще-то до момента остановки Альциона все шло гладко...

Суои — она тренировалась в Союзе — внезапно умолкла. Ее голос звучал несколько напряженно.

— ...В чем дело? — спросил Сири.

— Что-то случилось? — забеспокоился Ханаан.

— Да. Полковник Грета выдвинулась немедленно. Все члены 4-й бронетанковой дивизии, от заместителей офицеров и ниже, и штабные офицеры должны сделать пометку. Послушайте внимательно.

†

Альцион рухнул наземь. Земля дрогнула так, что даже десятитонные Регинлейвы подпрыгнули, и в воздух поднялся толстый слой пепла. Шин тяжело вздохнул и, не ослабляя бдительность, заговорил.

Все-таки поджечь изнутри оказалось недостаточно. Управляющие ядра, кроме тех, что принадлежали рельсовым пушкам, оставались целыми. Он слышал их вопли.

— Фрейя. Альцион временно выведен из строя. Начинаем удерживать боевую зону до прибытия Лебеда смерти и основного войска бригады на огневую позицию.

□

— Принято. Хорошая работа, — ответила Лена, слушая ликование десантного батальона по синхронизации. — Циклоп, не делай ничего безрассудного, прошу.

В отличие от операции в Странах флота, где именно их прижали к стене, в нынешней миссии они провернули придуманные контрмеры и добились неплохих результатов, отчего их переполнило чувство выполненного долга.

Шиден, получившая нагоняй, дала невнятный ответ и тут же переключилась на Шина.

— Да, мэм... О, кстати, малыш Бог Смерти? Эй, Божок Сме-е-е-ерти. Я с тобой говорю, Бог Смерти!

— Чего тебе? — раздраженно спросил Шин.

□

— Ты прекрасно понимаешь, чего я хочу. Мне пришлось рисковать жизнью, чтобы отвести от тебя рельсовую пушку. Ничего не хочешь мне сказать?

— Ты сама вызвалась. Не хочу даже слышать жалобы.

— Я что, жаловалась? Просто заметила, что неплохо было бы сказать мне что-нибудь.

Шин ответил раздраженным цоканьем языка.

Бэрнольт и отряд Нордлихт казались изумленными, а Анжу всеми силами пыталась сдержать смех. Райден, Клод и Тору во всю хохотали. Лена невольно улыбнулась, после дав следующие указания. С последних пререканий Шина и Шиден словно прошла целая вечность.

— Могильщик, Циклоп, прекращайте. Десантный батальон, внимательно следите за зоной боевых действий. Основные войска, нам как можно скорее нужен Лебедь смерти...

Тут-то заговорила Хилно. Не на общем языке Республике или Союза, а на языке Святой теократии: ни Лена, ни «восемьдесят шесть» не поняли, что она сказала.

А потом на огромном голографическом экране в командном центре отобразилось, как...

□

...каждый солдат с эмблемой резвой лошади в яблоках — Шига Тура, 3-й армейский корпус Святой теократии под командованием Хилно — вдруг остановился.

□

Лена, штабные офицеры и управляющий персонал, включая Марсея, оцепенели. У диверсионных сил по планам, конечно, не предусмотрена остановка в данный момент.

— ...Хилно. Что вы...

Лена повернулась к ней.

Хилно заговорила уже на общем языке Республики и Союза. На ее губах — невинная улыбка, а мягкий, звонкий голос звучал как кварцевый песок.

— Кровавая королева. «Восемьдесят шесть». Вы перейдете в нашу страну?

□

— ?!.

Рито нервно сглотнул, когда экран радара заполнили несметные точки. Они расположились впереди в районе, очищенном от передовых сил Легиона. Система «свой-чужой» не распознавала их, тепловая сигнатура неизвестна. И они сформировали строение веером. Оно подразумевало засаду.

— Рассредоточиться!

В тот же миг, как он выкрикнул указания союзникам, Милан отпрыгнул. Рито был из числа «восемьдесят шесть», его воинские чувства обострены войной. Он не собирался ждать и надеяться на лучшее, столкнувшись с неопознанными целями в засаде.

Спереди раздался грохот крупнокалиберной пушки. Выдержав резкое ускорение от поспешного маневра уклонения, Рито посмотрел на оптический экран своими агатовыми глазами. Обтекаемый снаряд пролетел мимо, лишь слегка задев фланг Милана. Облако пепла поднялось с того места, откуда производился залп.

Скорость выстрела была высокой. Что более важно, позади источника создавался мощный взрыв — уникальная черта того самого оружия.

Пушка без отдачи.

— Дерьмо, еще раз зарядят! Продолжайте уклоняться!

Вновь прогремел выстрел, и на них обрушились БОПСы. В воздух поднялось еще больше облаков пыли, закрывая поле обзора.

Безоткатное противотанковое орудие выстреливало большими снарядами без отдачи, что достигалось путем высвобождения позади ударной волны. Даже легкобронированные

фердресы можно было оснастить подобной крупнокалиберной пушкой, однако без существенных недостатков не обошлось.

Большая часть кинетической энергии пороха направлялась на уменьшение отдачи, и скорость снарядов, соответственно, уменьшалась. Ударные волны же поднимали в воздух песок и пыль, раскрывая позицию стрелка. Именно поэтому агрегаты, которые располагали подобным вооружением, оснащались не одним стволом, а сразу шестью. Первый выстрел раскрывал местоположение, но, если этим залпом подбить противника не удалось, в ход можно было пустить сразу второй и третий.

Об этом Рито узнал еще до операции. И ни Регинлейвы, ни Джаггернауты — и даже ни один из типов Легиона — не пользовались безоткатным орудием. Получается...

Порывы ветра сдули пепел, нависший на поле боя, точно занавес. На другой стороне показалась группа небольших жемчужно-серых теней.

Жемчужно-серый цвет.

Эти агрегаты жертвовали чистой мобильностью и предпочитали оставаться над пепельной землей. Четыре широкие ноги, соприкасающиеся с поверхностью, напоминали крылья птицы. Несмотря на форму распростертых ног, туловище было не выше Фредерики. С двух сторон установлены по три больших 106-мм безоткатных орудия.

По виду их словно наспех сконструировали из-за внезапно разразившейся войны. На них было больно смотреть: будто на раненых птиц, волочащих свои крылья по земле.

Бронированный Льяно-Шу тип 7.

Беспилотный дрон, который сопровождал основные фердресы армии Святой теократии, бронированных Фах-Марас тип 5. За десять лет битв изрядная часть Фах-Марас была уничтожена, потому для компенсации численности создали дроны типа 7.

— ...Почему?

Позади Льяно-Шу встали Фах-Марасы. Они передвигались в типичной для Святой теократии манере: она напоминала ползающее потомство, или животного, что волочит за собой сломанные конечности. Его ноги те же, что и у типа 7: широкие, похожие на крылья. Но, поскольку этот агрегат управлялся пилотом, а его выживание в напряженной военной обстановке ставилось в приоритет, толстая и тяжелая передняя броня покрывалась дополнительными бронированными пластинами. Даже двигатель и 120-мм оружейная установка помещались спереди кабины, чтобы прикрыть пилота, отчего конструкция фердреса выглядела своеобразно.

Сомнений больше быть не могло. Военные Святой теократии, их союзники до сего момента, наставили оружие на «восемьдесят шесть» и ударную группу Союза, будто на врагов.

□

Повернувшись к озадаченной Лене, Хилно ухмыльнулась.

Теперь она стояла спиной к главному экрану, но взгляды штабных офицеров Святой теократии оставались прикованными к консолям управления, словно ничего необычного не произошло. Они не усомнились и не озадачились внезапными словами командира корпуса и приказом остановиться. Просто молчали и никак не откликались, будто все шло согласно плану.

Единственное, что изменилось, — они слегка повернулись друг к другу и начали перешептываться.

Лена сдержала порыв цокнуть языком. В ситуации замешаны не только передовые отряды, но и штабные офицеры. Так или иначе, весь 3-й армейский корпус Шига Тура теперь их враги.

Но тут она заметила еще одну странность: их голоса и линии подбородков, едва проглядываемые из-под капюшонов. За ними скрывались офицеры намного моложе, чем она себе представляла. В лучшем случае одного возраста с Шином и Леной, если не на год-два моложе.

Конечно, подростки в армии не такая уж и редкость в эти дни. В Союзе имелись специальные офицеры, и для Лены стало уже привычно находиться в окружении «восемьдесят шесть». Но это ведь командный центр корпуса. А самым старшим солдатам здесь было едва за двадцать.

И это странно. Армия Святой теократии словно полностью состояла из подростков и людей молодого возраста... И да, Лена действительно не могла припомнить хоть одного взрослого солдата за все время нахождения в этой стране. Штабные офицеры, переводчики, дети, которые забегали к ним поиграть — все они были слишком юны.

И вот, Хилно смотрела на застывшую Лену равнодушными глазами. Затем она перевела взгляд на офицеров Союза в форме стального цвета: по выражениям их лиц читалась сначала подозрительность, потом опаска и, наконец, беспокойство. Она повторила свой вопрос:

— Вы перейдете в нашу страну? «Восемьдесят шесть», Кровавая королева и штабные офицеры — даруйте нам свои достижения и героические подвиги. Даруйте нам себя.

Исходя из цепочек командования, 3-й армейский корпус никак не связан иерархией с ударной группой, поэтому у Шина нет причин держать радиосвязь с Хилно. Но он все равно слышал ее.

Звучный голос передавался через устройство со специально настроенной частотой. Очевидно, это намеренный шаг, и сделан он именно затем, чтобы они услышали.

— Вы перейдете в нашу страну? «Восемьдесят шесть», Кровавая королева и штабные офицеры — даруйте нам свои достижения и героические подвиги. Даруйте нам себя.

— ...Что у нее на уме?

Операция в самом разгаре. Никто ни разу не спрашивал у них, хотят ли они перейти на их сторону. Но в вопросе не читалось приглашение. Это была...

— Вы должны упиваться желанием спасти остальных, о, Герои. Тогда знайте, что ситуация в нашей стране намного более тяжелая, чем в Союзе. Поставьте нас на пьедестал заботы выше Союза, выше любой другой нации, как самых жалких и беспомощных.

...угроза.

Они хотели выудить из ударной группы информацию. Или, возможно, заполучить солдат-«восемьдесят шесть». Прямо как оставшиеся республиканцы, Отбеливатели.

В этот момент поденки лишь слегка давали о себе знать: нежный смех девочки в эфире чуть-чуть искажался статическими помехами.

— Если откажетесь принять предложение, сгинете на этом поле боя.

□

«Восемьдесят шесть» толком не могли понять, что происходит. Они знали, что армия Святой теократии, их союзники до сих пор, внезапно наставили на них оружие. Знали, что теперь они враги. Но почему? С какой стати?

Первым отреагировал полк Мирмиколеон. А именно одна из пяти дивизий, оставшихся в тылу как часть диверсионных сил, — 8-я. Когда враг оказался позади, агрегаты цвета киновари развернулись и немедленно открыли огонь.

Регинлейвы двинулись мигом позже. Их не постигла постыдная участь принять на себя первые выстрелы, но Глайвиц видел, как они мечутся, явно не готовые к внезапному нападению. Он едва не цокнул языком.

Вероятно, у них даже мысль в голове не возникла, что Святая теократия может их предать. Они не ожидали предательства на полях сражений других стран, и даже на территориях Союза, хотя эта страна не их родина.

— Какие же вы наивные, «восемьдесят шесть»! Люди и даже страны могут предавать! Уж кому как не вам знать?!

И это после того, как Союз и Святая теократия отправили их в передовые силы и десантные войска, поставили на самые опасные роли в этой операции!

Насколько бы это ни было очевидным, они ни разу даже не подумали о предательстве. Юные солдаты, которых загнали в смертоносный восемьдесят шестой сектор Республики, сражались и продолжали цепляться за жизнь, не впадая в отчаяние. Они не понимали, что война — лишь омерзительный, уродливый способ людей решать конфликты между собой.

— Глайвиц — всем капитанам! С этого момента Свободный полк Мирмиколеон добровольно прекращает миссию по содействию армии Святой теократии!

Никто не озадачился и не выказал сомнений насчет приказа. Глайвиц с самого начала вылазки с подозрением относился к Святой теократии и даже к ударной группе, как к лезвию, зажатому между губами. Он был готов к предательству, потому не удивился, когда оно таки случилось.

— Бронетанковую группу Святой теократии на двенадцать часов считать неизвестным вражеским отрядом. В интересах экспедиционной бригады Союза...

Все-таки полк Мирмиколеон — лишь инструмент для использования в конфликтах. Так аристократия могла забрать право командования у граждан. Так дворянские Пиропы могли обрести титул героя, дарованный полукровке Ониксов. И так они могли позволить сохранить честь солдата тому, кто унаследовал кровь Пиропов и запятнал ее, оставшись на службе рядовым офицером.

— ...мы вступаем в бой с 8-й дивизией 3-го армейского корпуса и неизвестным вражеским отрядом. Мы покажем им!

Покажем детям, которые, быть может, и знали злобу и абсурдность поля боя с Легионом во главе, но были столь невежественны и невинны в случае тьмы человеческого мира.

— ...Пусть их предала родина, пусть она все у них забрала, но дети не теряли человеческую суть, так необходимую для веры.

Он этому завидовал. Свенья не слышала, что он говорил, поскольку слова заглушил рев силовой установки Ванарганда.

□

— Если откажетесь принять предложение, сгинете на этом поле боя.

Крена застыла в изумлении. Это говорила та же утонченная, хрупкая и где-то добродетельная девушка, с которой она познакомилась немногим ранее. Та, кто молилась за их успех в битве перед миссией. Она просила их спасти ее страну, и ударная группа откликнулась.

Из глубин сердца поднялась тьма. Крена горестно стиснула руки в кулаки.

Милая девочка, ее улыбка и доброта.

Все это оказалось ложью.

— ...Как ты посмела?

Почему поверила ей? «Помогите нам», — говорила она, словно имела в виду: «Сражайтесь от нашего имени». Она тешила их эго, называла героями, однако на самом деле все, чего она хотела, — использовать их как оружие.

То же самое бы сказали белые свиньи Республики. И ведь правда, белые свиньи есть не только в ней. Они всюду. Просто Святая теократия — еще одно место их обитания. Нет такой страны, где их не было бы. Они искушают тебя сладкими речами и нежными улыбками, говорят про неосязаемую надежду: например, мечты или будущее.

Каждый пытался воспользоваться ей и ее товарищами.

Так оно было везде. И так оно было всегда.

Остальные всегда будут искать способы использовать их, а потом жестоко и безжалостно отберут все, что у них есть.

«Восемьдесят шесть» получали одно и то же обращение постоянно. Восемьдесят шестой сектор — смерть на поле боя как должное. В более мирных местах — жалость. И здесь, в Святой теократии, — мантия героя.

Эти поступки совершались так естественно, словно в основе мира лежала идея пользоваться ими.

Ей казалось, будто взгляд застилает темная пелена.

Точно. В конце концов, таковы мир и люди в нем. Холодные, жестокие, черствые и подлые. Место, в котором чем больше ты лелеял надежд, тем больше мог потерять.

Как забрали ее родителей. Как забрали старшую сестру. Как забрали гордость Сео, пусть тот и хотел сражаться дальше вместе с ними до самого конца.

Никакой больше веры. Доверия заслуживают только товарищи. А все остальные — враги и пустые люди, кто еще не успел повернуться к ним спиной.

Никакой больше веры в людей. Или в мир, или в будущее. Или в окончание войны.

†

<<Охлаждение двигательной системы: завершено. План Фердинанд, перезагрузка.>>

<<Предупреждение. Управляющие ядра рельсовых пушек с первого по пятый выведены из строя. Запуск процесса восстановления, образец — первое ядро рельсовой пушки.>>

<<Мелюзина-Два, запуск воспроизводства. Мелюзина-Три, запуск воспроизводства. Мелюзина-Четыре, запуск воспроизводства...>>

<<Мелюзина-Шесть, воспроизводство завершено.>>

<<Перезагрузка рельсовых пушек с первую по пятую...>>

†

Дрожание согнувшегося чудища, похожее на конвульсии помирающего таракана, переросло в постоянную вибрацию. Этот шум означал перезагрузку мощной двигательной системы Альциона, сконструированной для поддержания огромного веса. И вот теперь она восстановилась после временного отключения от перегрева.

Металлическое чудище поднялось, сотрясая землю.

<<Как холодно.>>

Из него снова хлынули болезненные стоны девушки, затихшие всего на миг. Пастух, заправлявший рельсовой пушкой... был механическим призраком Шаны. Только теперь стенания кружили вокруг на близком расстоянии от каждой из пяти пушек.

<<Как холодно.>> <<Какхолодно.>> <<КАкхолодНО.>> <<дно.>> <<ХОЛОДНО.>>

<<Как>> <<холодноХОЛодноХОЛОДНО.>> <<Холоднонононононо.>>

— Нгх?!

— А-а-а!..

Оливье и Зайша впервые синхронизировались с Шином в реальном бою. Двое еще не привыкли к его способности, поэтому резко оборвали связь парарейда и вышли из сети.

Настолько эта агония, это механическое безумие было невыносимым.

Реактивированные рельсовые пушки повернулись к небу. Пепельную завесу пронзили вспышки света дугового заряда, и вверх полетел непрерывный шквал снарядов, весящих несколько тонн.

Агрегаты из десантного батальона ушли от картечи и быстро отступили от Альциона, чтобы не попасть под шрапнель. Отмахнувшись от жужжащих насекомых и отогнав их на минимальное расстояние, рельсовые пушки опустили на уровень горизонта. Стенания Шаны вновь стали громче.

— !..

— Черт, только не снова!..

— Как же тяжело... когда слышишь их так близко!..

Вопли давили на них, впивались когтями в сердца. Не обошло это даже Райдена и членов отряда Остриё копья, сражавшихся бок о бок с Шином и привыкших к его способности за многие годы. Так же, как и Клода и других процессоров из десантного батальона, с кем он провел несколько операций.

— Шин! Ты как, в норме?!

— Ага. Немного неприятно на таком расстоянии, но как-нибудь справлюсь.

Что поражало, так это возвращение к жизни пяти рельсовых пушек без использования жидких бабочек, как это сделала Ночесветка... Но Альцион все-таки происходил от Вайзела, а потому мог производить жидкие микромашины у себя в теле, чтобы компенсировать полученный ущерб, при том не выставляя их снаружи.

Вскоре с ними синхронизировался Оливье, а мигом позже уже Зайша. Она едва заметно дрожала, но заговорила храбро:

— Н-на перезапуск ушло двести секунд. Намного быстрее, чем мы ожидали, капитан Ноузен! К тому же есть проблемы с продвижением Лебедя смерти. Если будем выводить его из строя перегревом после каждой реактивации, нам попросту не хватит снарядов!

Затем в разговор вмешалась Анжу:

— Шин-кун, у нас есть только семь пусковых установок. Артиллерийский отряд хочет сохранить свои, чтобы не дать помешать выстрелить Лебедю смерти. Все как она говорит: мы не сможем сбивать его раз за разом.

— Боеприпасы для танковой и автоматической пушек тоже на исходе. А Файда мы не взяли на нашу небольшую схватку.

— Ага. В худшем случае, если не можем временно вывести из строя, нужно хотя бы не дать выстрелить по Лебедю смерти. Мы доказали эффективность лезвий-копров. Значит нам просто нужно довести дело до конца.

Они так или иначе должны избавиться от угрозы Союзу. И, если будет такая возможность, нужно еще собрать информацию или вычленив детали из останков. Что более важно, они должны вернуться живыми. Чтобы выполнить все задачи...

— Кролик, я делюсь с тобой кадрами внутреннего устройства Альциона. Можешь определить трубы системы охлаждения?

— Сделаю. Это, как я поняла, наши контрмеры, если ракет больше не останется, да? Сейчас же займусь.

— Шиден, могу я рассчитывать, что ты снова разберешься с «Шаной»? — спросил он. Девушка не произнесла ни слова с тех пор, как крики возобновились.

Он понимал, что задавал бессердечный вопрос. Она решила успокоить товарища собственными руками, а когда сделала это — Шана вновь пробудилась, словно ей назло. Слишком жестоко просить Шиден еще раз позаботиться о ней.

Но она ответила на удивление спокойно:

— Да, я разберусь. И не говори со мной обеспокоенным тоном, малыш Бог Смерти, — неожиданно ухмыльнулась она. — Я закопаю ее так глубоко под землю, что не сможет выбраться. Никто не вправе хоронить ее, кроме меня.

В диспетчерскую Святой теократии строго-настрого запрещалось проносить огнестрельное оружие. Прежде чем Лена и остальные вошли сюда, им велели выложить оружие. Так они и поступили. Длинный ствол штурмовой винтовки спрятать не получилось бы. И вот Лена осталась беззащитной, не говоря уже о том, что ей никак отсюда не выбраться.

— Нет, — произнесла Лена через плечо. — Отказываемся.

В тот же миг девушка-офицер рядом с ней резко поднялась на ноги, откинув стул. Она надела форму цвета стальной синевы, чтобы одурачить солдат Святой теократии. На первый взгляд она выглядела как совершенно обычный человек. Единственное, что выбивалось из общей картины, — яркий оттенок волос и стеклянные глаза. И, конечно, искусственный нервный кристалл во лбу.

Сирин.

— Просчет ситуации, Красный-восемь. Вступаю в бой.

Она наставила ладони на охранников у двери, и те внезапно пошатнулись с брызгами крови. Вероятно, это модифицированная модель Сирин с огнестрельным оружием, спрятанным в механизмах рук.

Хилно и охрана, попросив сдать оружие, уж точно не ожидали появления механической куклы с огнестрелом в теле.

— Бежим!

К Лене тут же подбежал широкоплечий штабной офицер снабжения и, перехватив ее, повел к выходу. Офицеры разведки и управления последовали примеру: отпихнули свалившуюся стражу, которые держались за раненые плечи и последовали к двери, открывшуюся после нажатия на кнопку.

Штабной офицер снабжения, прикрывая Лену, выскользнул наружу. За ним последовали остальные, включая Сирин. К счастью, в длинном коридоре не было видно солдат Святой теократии. Они побежали по нему, хотя и с опаской: путь лежал прямо без возможности где-либо укрыться.

Заметив, как Марсель морщится, офицер рядом с ним замедлился и спросил:

— Младший лейтенант Марсель, вы как?

— На коротких дистанциях я любой шпане фору дам.

Марсель в прошлом был оператором Ванарганда, но стал офицером управления после травмы ноги, из-за которой не мог реагировать достаточно быстро для управления агрегатом. Но на бег он был все еще способен.

— ...Но, если придется бежать далеко, мне будет худо. Хотя тут не переживайте, можете просто оставить меня, если дела совсем плохо пойдут.

— Ты ведь понимаешь, что мы не можем так поступить, — сказал офицер.

— Да, арьергард — роль Сиринов, — прервала их механическая кукла.

Завернув за угол, они на миг остановились. Сирин извинилась и закатила штаны, прикрывающие стройные ноги, выше коленей. По искусственной коже проходила прорезь.

Марсель невольно отвел взгляд, а штабные офицеры охнули. Искусственные ноги девушки, созданные по образу человеческих, состояли из металлических костей. Тело поддерживалось и перемещалось благодаря цилиндрическим линейным приводам. Их даже не пытались скрыть искусственными мышцами: на месте провалов скрывались пистолеты-пулеметы.

— Его Высочество подготовил их на чрезвычайный случай. Магазины заряжены высокоскоростными вращающимися остроконечными пулями для поражения пехоты. Они должны вам пригодиться.

Высокая начальная скорость позволяла пробить броневые пластины. Что важнее, пули разрывали кожу без траты кинетической энергии благодаря вращению. По мнению Вика, Святая теократия — скорее, люди как таковые — легко могла предать, поэтому он подготовился к такому исходу.

Лена и Марсель оцепенели от живости сцены. Штабные офицеры, напротив, без колебаний взяли за рукояти оружия.

— Ладно там жестянки эти, но нам не следует применять подобные игрушки к людям, — сказал офицер, обращаясь ни к кому конкретному.

Сирин кивнула.

— Оставляю дальнейшее продвижение на Вас, мои человеческие друзья... Я не могу бежать, так что останусь и задержу их.

Без искусственных мышц она передвигалась только на линейных приводах: ходить еще могла, а вот бежать — нет. Она улыбнулась и ушла. Вскоре послышался громкий взрыв, сотрясший командный центр. Благоухающие жемчужно-серые стены дрогнули.

□

3-й армейский корпус Святой теократии, отвечающий за диверсию в операции, остановился, но Легион продолжил наступать. Часть машин спешно отправилась на защиту Альциона, но изрядное число осталось для истребления врага. Силы Святой теократии, посланные для отвлечения внимания, теперь подверглись яростной атаке Легиона.

В конце концов, целая дивизия — десять тысяч солдат — не может по щелчку пальца изменить курс или вовсе остановиться. Тем более не тогда, когда враг перед тобой всячески пытается помешать. И с учетом рядом находившегося 2-го армейского корпуса им мешала как численность, так и орда машин.

Но пусть даже армия Святой теократии отвернулась от них, экспедиционной бригаде Союза противостояли полк в засаде спереди и 8-я дивизия, атаковавшая сзади.

И по сравнению с большими войсками, Регинлейвы ударной группы и Ванарганды Свободного полка все-таки были фердресами Союза — передовые модели от одной из сильнейших военных держав на континенте, чья эффективность доказана на поле боя. Несмотря на численное преимущество, экспедиционная бригада успешно отражала нападки противника.

Однако...

□

...в Фак-Марас сидели пилоты, и Рито с товарищами не могли применять тактику прыжков с одного на другого, как в случае с Легионом. Они понимали, что агрегаты не сломились бы под весом, как ходячие республиканские гробы, а броня их прочна также, как у Ванаргандов или Львов.

Но ничего из этого не имело значения. Там внутри находились люди.

— Почему?!

Он вспомнил мальчишку, с кем весело уплетал лимонные корки. Потом другого — тот был хорош в армрестлинге. Затем парня постарше, который при первом их посещении Святой теократии принес чай с острыми приправами.

Они не притворялись, очевидно, но тогда почему?

Взревел сигнал.

Несмотря на небольшую толщину брони Регинлейва, 12-7-мм пуля ее не пробьет, однако само

попадание активирует предупреждение. По-видимому, по нему открыли огонь из пристрелочного ружья. Пепел мешал работе лазерной системы, потому для корректировки прицела на поле боя пустого сектора использовались такие вот ружья.

Рито уклонился и машинально повернул дуло 88-мм пушки в сторону врага. Но на прицеле оказался Фах-Марас. Внутри него мог сидеть тот, кто делился сладостями, с кем он состязался или даже играл.

Рито на миг заколебался. Но Фах-Марас непоколебимо выстрелил. Он слышал доносившийся из внешнего динамика голос. Вроде как говорила девушка, но это мог быть и мальчик. Он не мог разобрать слова на другом языке, но по манере речи все понял.

«Мне жаль.»

Если «жаль»... тогда почему?

— !..

Рито повезло, он уклонился как раз вовремя. Танковый снаряд пролетел вплотную к Милану и взорвался позади. Осколки полетели в его агрегат с близкого расстояния, разбив оптический экран, который посыпался ему на голову.

— Рито?!

— Я в порядке, так, царапиной отделался. Прости, командование на мне, но вести сражение сейчас я не в состоянии.

Осколки оптического экрана действительно лишь поцарапали его. Но порез проходил на лбу, прямо над правым глазом. Ведущий глаз залила кровь: он коснулся раны и понял, что сама по себе она не затянется в ближайшее время. Он попробовал вытереть кровь, хотя сам уже понял, насколько это бессмысленно, и беспомощно вздохнул:

— Почему?!

□

— Имперские во всей своей воинственной красе...

Соппротивление оказал лишь один солдат Союза, и то лишь затем, чтобы самоликвидироваться в конце. Эта девушка прятала в себе некое подобие взрывчатки, внутри которой была заложена шрапнель. Стерильные в прошлом жемчужно-серые стены ныне запятнаны кровью, и ее зловоние затмевало запах агарового дерева командного центра.

Хилно вздохнула. Взрывчатка сама по себе смертоносна, но они добавили к ней металлические шарики, которые увеличили летальность и радиус поражения. Похоже на картечные мины. Девушка имела при себе пистолет, который где-то прятала, но как только выпустила все патроны, сдаваться отказалась. Если бы офицеры управления не заметили непокорства и не ломанулись бы на солдата Союза, никто бы в командном центре не выжил.

Схвативших ее двух офицеров сразила картечь, взрыв разнес девушку из Союза. По командному центру разлетелись кровавые ошметки трех людей и несметные металлические обломки. Офицер, придавивший Хилно к полу, был облит чужой кровью и своей.

Она выжила под его защитой и благодаря жертве двух офицеров. На ней не осталось даже царапины. Капля крови на белой щеке была единственной, что не смогли отразить верные мечи.

— Вы в порядке, принцесса?! — спросил защитивший ее офицер.

— Да. Я глубоко признательна вам и двум офицерам, пожертвовавшим собой.

Человеческое тело выступало хорошим щитом против пуль и картечи. Еще на заре современной армии ходили множество историй о солдатах, которые ложились на ручные гранаты, чтобы спасти товарищей.

«И так мы уберегли нашу страну. Жертвами многих.»

Хилно смахнула каплю крови под глазом: на безупречной белоснежной коже нарисовалась кровавая линия, точно макияж.

— Следовать своей судьбе и пасть в битве по зову предназначения. Как удачно... и завидно.

□

Перед Регинлейвом, вовремя не ушедшим с линии огня, встал Ванарганд цвета киновари, блокируя кумулятивный снаряд своей крепкой передней броней. Прочная пластина не дала струе прорваться внутрь агрегата. Тут же 120-мм БОПС полетел в обратку, взорвав Льяно-Шу.

— Ты в порядке, парень?

— С-спасибо...

— Не за что. Это наша честь — защищать женщин и детей.

Слушая их разговор по радио и буквально представив себе зубастую ухмылку пилота Ванарганда, Фредерика колебалась. Но только когда увидела все своими глазами, собиралась искренне поблагодарить.

Она сидела в одной из камер управления ногами Лебедя смерти, находясь позади построения Регинлейвов. Группа Лены все еще бежала из командного центра, а действующие заместители и командиры отрядов были заняты в боях. Будучи талисманом без всяких полномочий, она должна хотя бы поблагодарить от их имени.

Передняя броня Ванарганда могла выдержать попадание даже 120-мм танкового снаряда, но пусть ей и хотелось сказать, чтобы они не неслись сломя голову, она также понимала, насколько неуместным будет говорить это.

Но прежде чем она смогла вставить слово, в разговор вмешалась Свенья, которая видела ту же сцену. Причем начала с грубостей.

— Все видели, «восемьдесят шесть»?! Ванарганды полка Мирмиколон защитят вас, поэтому прячьтесь скорее позади! Наши алые кони не пропустят ни одной подлой стрелы...

Фредерика прикрикнула на нее. Как посмела эта талисман так отзываться о них?!

— Ваша передняя броня, ты хотела сказать?! Медленные, неповоротливые Ванарганды будут хороши в роли стены, наверное. И вообще, у тебя нет полномочий командовать не то что своим отрядом, так тем более и другим. Голову опустила, ротик закрыла, украшеньице.

— Кья?!

Фредерика кричала, не сдерживаясь, на одном выдохе, однако ее голос звучал все еще как у девочки, едва достигшей подросткового возраста. Хотя этого вполне хватило, чтобы Свенья трусливо вздрогнула, и ее визг услышала Фредерика по радиосвязи. Последняя повела бровью, а потом переключилась на Глайвица.

— Ты права. Прости, если внесли хаос в цепочку командования. Однако буду благодарен, если не станешь поднимать голос на нашу принцессу. Она больно чувствительна к крикам.

— ...Ну, она так-то никому не навредила, поскольку никто из процессоров ее не слушает.

«Восемьдесят шесть», как предполагалось, были привычны к лепету Кураторов Республики по синхронизации. Они не то чтобы просто пренебрегут словами незнакомого талисмана, а даже прислушиваться не станут.

Брови Фредерики сошлись на переносице. Никакой путаницы не возникло из-за беспроводной связи, но...

— Однако, что значит «не кричать»? На вас лежит обязанность обучить ее основам поведения на поле боя. Обратите лучше на это внимание. И не нужно просить меня перестать ее ругать. Вы же ее братик, разве нет?

— ...Приношу свои искренние извинения.

□

— ...Теперь понятно, почему она «младшая сестренка» капитана Ноузена. Голова-то у нее варит, принцесса.

Отключившись от канала связи с улыбкой, Глайвиц с некоторым усердием обернулся на место стрелка. Они сидели в двухместной — сиденья располагались по вертикали друг за другом — кабине Фальшивой черепахи: тесной для взрослого, но огромной для миниатюрной фигуры Свенни, особенно сейчас, когда она вся сжалась и дрожала. Глайвиц заговорил с ней с деланным спокойствием:

— Это не эрцгерцогиня кричала на тебя. И ругала тебя тоже не эрцгерцогиня. Все в порядке. Не бойся.

— Н-не буду... — пробормотала она, боязливо подняв взгляд.

В золотых глазах по-прежнему виднелись следы слез и паники.

Та девочка-талисман не отходила от Шина, поэтому она предположила, что у нее есть связи с домом Ноузенев. Или, быть может, с приемным отцом Шина, то есть временным президентом Эрнестом. Президент до революции был солдатом, а солдаты тогда были либо аристократией, либо простолюдинами, но на службе у дворянских полков. И те и другие находились под командованием правителя. Так бывший правитель мог доверить другому человеку заботу о незаконнорожденном ребенке. По крайней мере, это не невозможно.

В девочке, вероятно, текла кровь воинов Ониксов и Пиропов.

И, будучи такой же полукровкой Пиропов, как Свення, она не могла взять в толк, с чего нужно так пугаться нагоняя. Даже поспорила со взрослым Глайвицем без тени страха.

— ...Не хорошо это. Я прямо... Какое бы слово сюда подошло? Негодую, наверное.

Он не мог винить девочку-талисман за жизнь, в которой та никогда не знавала вкус хлыста. Ониксам нет нужды проводить выборочную селекцию, а потому дети у них не являлись неудачным продуктом — нежеланным результатом трат усилий, чья жизнь будет состоять из ругани за то, что они родились бесполезными паразитами.

— Б-братик. Точно, нам нужно доложить «Отцу». Если мы дадим знать, что это второсортное подобие на теократию предало нас, уверена, возмездие не заставит себя долго...

— Если бы мы только могли рассказать ему. Принцесса... поденки глушат нашу связь. Сейчас нам никак не связаться с Союзом.

— ...А-а.

Между ними и Союзом стояли Святая теократия, Республика и страны дальнего запада, а также действующие оспариваемые зоны и территории Легиона. В небе постоянно кружили поденки, блокируя беспроводную связь своими электромагнитными помехами.

Другими словами, что бы не случилось с экспедиционной бригадой в Святой теократии, до Союза информация не дойдет. У них нет возможности попросить Союз подсобить или оказать давление на Святую теократию.

Ударная группа использовала сенсорную синхронизацию, обузданную в Республике, — техническое воссоздание крошечной частички способности маркизы Майки. Полностью воспроизвести эффект у них не получилось, конечно, но устройство позволяло устанавливать связь вне зависимости от расстояния и помех поденков.

Но это, как уже было упомянуто, лишь устройство. Кто-то в Союзе должен настроить парарейд на синхронизацию с 1-й бронетанковой дивизией, а им это нужно прямо в этот миг. И даже если Глайвиц и Свенья проинформируют Союз, на прибытие помощи все равно потребуется время.

Кроме того, в текущей обстановке вряд ли Союз, преемник великой Империи Гиаде, пожелает пойти войной на Святую теократию. Если рассуждать реалистично, потеряют они только два полка. Ну не станут из-за них начинать войну. Тем более не из-за «восемьдесят шесть», не являвшихся гражданами Союза от рождения и не имеющих семьи, которые бы захотели их возвращения.

Их будут восхвалять как трагических героев, граждане какое-то время вознегодуют об их судьбе. А потом Союз заявит о прекращении поддержки Святой теократии или введет еще какие санкции, и историю с детьми тут же забудут.

Плевать остальным на смерти простолюдинов. Полк Мирмиколеон лишь одноразовая пешка: как для Союза, так и для правителей. Их потеря не обернется продолжительной болью.

— И вот поэтому нахождение в выдающимся отряде не идет на пользу.

□

— Но... в чем смысл? — пробормотал Шин под нос.

Не об этом ему нужно думать посреди нынешней ситуации, но он действительно не понимал. Случившееся не станет триггером для войны с Союзом, но однозначно разожжет вражду и только ухудшит положение Святой теократии.

Их отношения с Союзом, Объединенным королевством и Альянсом разорвутся, и они потеряют возможность получить поддержку. Да, поступок не равен дискриминации Республики, но их все равно изгонят за то, что вынудили детей-солдат сражаться... И такие последствия в обмен лишь на два бронетанковых полка.

Нет, дело тут даже не в последствиях...

□

— ...Почему сейчас?

Эта часть не давала Лене покоя. Альциона только вывели из строя перегревом. Грозное оружие огромных размеров, наставленное на Святую теократию. Его уничтожение должно стоять во главе. Ситуация такова, что не только оружие по-прежнему на свободе, но и их войска бились с передовыми силами Легиона.

Так зачем предавать экспедиционную бригаду, оказываясь зажатыми меж двух огней, пусть даже одна из сторон была слабее? Зачем предавать сейчас? Никакой выгоды поворачиваться к ним спиной на этом этапе.

Хилно упоминала достижения и информацию, но экспедиционная бригада Союза не захватывала управляющее ядро Легиона, и даже не выполнила еще первоначальную задачу — уничтожение Альциона. Не поздно было бы напасть на них после. И в самом деле, если уж вознамерились предать, лучше бы это сделали после окончания миссии: когда они победили бы неотвратимую угрозу в лице Альциона, и, возможно, извлекли конфиденциальную информацию или заполучили детали рельсовой пушки.

После завершения операции члены экспедиционной бригады будут уставшими и беззащитными. Если Святая теократия нападет позже, когда те вылезут из своих Регинлейвов, захвачены без особого сопротивления окажутся даже «восемьдесят шесть». Да, если они им так нужны, Святая теократия могла бы начать действовать после операции и получить больше с меньшими усилиями.

Тогда почему? Почему сейчас, вовлекая друг друга в бессмысленные потери?

Во всех коридорах не было следа ни солдат, ни охранников. Они направлялись в ангар базы. Пистолеты-пулеметы имели ограниченные магазины, отчего они были вынуждены прятаться,

но на всем пути им ни разу не пришлось стрелять.

Они выглянули и увидели на пути к заслонке пепельную занавесь. Им не пересечь эту местность без специальной одежды.

— Забирайтесь в Фрейю!

Тут Лена услышала голос по парарейду. Он принадлежал капитану охранной эскадрильи штаба, оставленной на случай чрезвычайной ситуации.

— Мы решили подобрать вас до того, как попросите! Скажите, как только сядете, сразу проломим заслонку!

— Хорошо, спасибо!

Второй водитель забрался на водительское сиденье Фрейи, двигатель взревел. Не проверив даже, что все схватились за что-нибудь, он тут же вдавил педаль в пол.

— Младший лейтенант Нана!

— Сейчас, мэм!

Два тяжелых пулемета завизжали, как электрическая пила. Пули изрешетили металлическую заслонку за секунды. Когда стрельба прекратилась, Фрейя протаранила дыру с громким грохотом.

Металлические обломки полетели в разные стороны. Внутри ангара Регинлейвы приветствовали карету своей королевы, и потом в мгновение ока выстроились в оборонительном строю вокруг.

Монитор Фрейи показывал, как ангар заполняли силуэты в униформе со штурмовыми винтовками.

□

Крена увидела, как прямо под оптическим сенсором Лебеда смерти снесло агрегат Мики, Колокольчик.

— Мика!

Это не прямое попадание по кабине. Агрегат не был выведен из строя. Но она определенно

ранена. Колокольчик с прорванным левым флангом оставался на месте: к нему подходили союзные Джаггернауты, чтобы оттащить. И немедля к ним начали подбираться жемчужно-серые фигуры.

Согласно только что полученному сообщению, Рито также ранен, и он вынужден отступить. Крена могла только смиренно сидеть, стискивая кулаки внутри кабины Стрелка, чьи передние и задние ноги крепились к блоку гигантского рельсотрона.

— ...Почему?

Они боролись за подонков, которые обманывают и используют их. За мерзких людей, что попытаются спихнуть всю тяжесть и боль сражений на кого-то другого, а после сделать вид, будто никаких трудностей не существует.

«Почему все всегда сводится к нам?»

Она вдруг поняла, комок каких эмоций несет в сердце — гнев. Он не кипел в груди, не горел в животе. Он был холодным и твердым, как чужеродный объект, застрявший внутри и не желающий убираться. Слово изнутри скребся ледяной яд.

Этот гнев тлел в ней весь восемьдесят шестой сектор, и продолжал по сей день.

— Почему сражаться всегда должны... именно мы?!

□

Под защитой Регинлейвов они выбрались из командного центра и двинулись в пепельную пустошь. Фрейя могла за себя постоять с помощью 120-мм скорострельной пушки и пулемета, однако оружием не доставало огневой мощи. Мобильность также не шла ни в какое сравнение с Регинлейвами. Получалось, что на командирском транспортном средстве им нужно как можно дольше избегать сражений.

То же относилось и к охранной эскадрилье, их минимальному подкреплению на чрезвычайный случай. Они пустились через пепельную территорию, прячась за каждым холмом, чтобы не вступать в бой с армией Святой теократии. Им нужно найти способ прорваться через окружение корпуса и перегруппироваться с остальными войсками.

Лене и остальным удалось сбежать с вражеской базы, но если их схватят, то могут использовать в качестве заложников, чтобы оказать давление на «восемьдесят шесть». И еще также нужно забрать техников Яростной армии и членов бригады обслуживания в пятнадцати километрах от них. Лене оставалось только молиться, чтобы с ними ничего не случилось.

— Младший лейтенант Ория, младший лейтенант Митихи! Докладывайте! — связалась с ними

Лена через парарейд.

— Мы полностью окружены, полковник!

— Ряды 8-й дивизии и засадного полка поредели на три часа! Попытаемся прорваться там!

Тут в доклад вмешалась Фредерика:

— 2-й армейский корпус Святой теократии начал продвижение в нашем направлении. Хотя они все еще сражаются с Легионом, так что не могут поспособствовать осаде... Играть невинного ребенка, гуляя рядом с офицерами и солдатами Святой теократии, оказалось полезно.

На последнее замечание Лена моргнула несколько раз. Возможно, сейчас спрашивать об этом неуместно, но...

— Фредерика... Ты понимаешь язык Святой теократии?

Ее способность позволяла заглядывать в прошлое и настоящее того, с кем была знакома, но, насколько Лена знала, ей нужно минимум знать имя и немного поговорить с этим человеком.

— В той мере, чтобы поддерживать простой разговор. Так, перекинулась парочкой фраз, да, но делала вид, что мало понимаю их. Как и сказала, я играла роль невинного ребенка, улыбаясь от уха до уха, как беспомощная девочка в чужой стране. Я как ребенок повторяла из раза в раз свое имя, пока они наконец не поняли, чего я хочу, — и как только они назывались, моя способность могла работать с ними... Все-таки эти земли далеки от Республики и Союза. Я предположила, что лишняя осторожность не навредит.

Фредерика, вероятно, не ожидала самого предательства, а предположила, что недопонимание может привести к неожиданному исходу.

— Я доказала свою полезность, Владилена?

— Бесспорно, Фредерика... Спасибо. Ты очень помогла.

Лена почувствовала ее удовлетворенный кивок. И сразу начала обдумывать полученную информацию. 2-й армейский корпус начал перемещаться. Нельзя ожидать, что два полка смогут оттеснить целую армию страны. Долго они не выстоят, если учесть уже потраченное время, усталость десантного батальона и оставшийся боезапас...

— ...Полковник, подождите.

Кое-кто вмешался. Мицуда, один из командиров артиллерийского батальона Регинлейвов. В его голосе прозвучали нотки нескрываемого недовольства, хотя оно и не было направлено на Лёну. Он тут же опомнился и заговорил более спокойно:

— Давайте предположим, что мы скажем группе Шина уйти от Альциона. Мы ведь тогда можем вернуться, так?

Лёна напряженно сглотнула. Мицуда продолжил:

— Я вот что хочу сказать: группа Шина временно остановила Альциона, но на этом все. Если просто оставим там машину, людям Святой теократии придется самим разбираться с ней, так? Они все-таки ради нее попросили Союз о помощи. Так что пока они там возятся с ней, мы можем отправиться домой.

Это поможет им не ввязываться в бессмысленное сражение со Святой теократией, а значит предотвратить ненужные потери.

— Ну...

Могли ли они так поступить? Да. Придется все равно приложить усилия, но так Шину и десантному батальону будет проще сбежать, под хаос эвакуироваться с передовой и покинуть Святую теократию. Нужно еще подорвать Яростную армию и Лебедь смерти, чтобы не оставлять врагу. Но в сравнении с безнадежной битвой против целой страны, этот вариант спасет множество жизней.

Мицуда опять заговорил, только теперь отрешенным голосом, полным нескрываемого безграничного отвращения:

— Да, мы гордимся тем, что сражаемся до самого конца. И, конечно, если Союз хочет пользоваться нашей решимостью, мы не против, пока сами помогают в этом... Но это не значит, что мы хотим быть никем, которых вынуждают ради них сделаться мучениками.

□

Митихи вздрогнула, когда услышала эти слова. Словно ее мысли облекли в слова. Рито попытался протестовать, хотя и задумался над этим вариантом. Крёна же согласилась всем сердцем.

Сказанное пробудило в каждом «восемьдесят шесть» похожие сомнения, досаду и негодование, тлеющие в сердцах. В конце концов, а точно ли они обязаны биться за таких людей? Или, по крайней мере, и за таких людей тоже? Даже если им присуще сражение до самого конца, даже если у них есть эта гордость, это не значит, что они просто прогнутся и подчинятся. Когда кто-то обманывал, наставлял на них оружие и принуждал воевать, они имели право отказаться.

Ведь сражались они не ради защиты или спасения остальных. Это было справедливо для восьмьдесят шестого сектора, и справедливо вне его. Они сражались не за белых свиней Республики. А за гордость и товарищей.

Они не убегут, не сдадутся. Будут идти до конца, до самого последнего вздоха в момент смерти... верные гордости «восьмьдесят шесть». И если по пути они тем самым защитят белых свиней — что ж, им это не по нраву, но они сделают все, что должны.

Союз использует их как силу, которая уничтожит ключевые позиции Легиона, как дипломатический инструмент, как пропагандистский материал. Они это знали. Граждане Союза видели «восьмьдесят шесть» только через призму медиа и новостей, и воспринимали их за трагических героев, которых нужно прославлять. С другой стороны, тот же Союз много дал им взамен, так что они пусть и нехотя, но соглашались с этим раскладом.

Но они не хотели быть инструментом или материалом для пропаганды, и совершенно не желали, чтобы в них видели героев. Они всегда сражались за себя. За свою гордость, за то, кем хотели быть, и за то, во что сами верили. И ни в коем разе не ради кого-то другого.

И вот поэтому теперь, покинув восьмьдесят шестой сектор, они не станут бороться за таких людей. Так если они сложат тут оружие... если просто бросят тех, кто кинул их на произвол судьбы... в этом же не будет ничего неправильного... так?

□

Но вызванное среди «восьмьдесят шесть» сомнение в этот краткий миг было разодрано. Словно решительным взмахом острого лезвия.

— Могильщик — Фрейе.

Их ушей достиг чистый, безмятежный голос...

— Десантный отряд возобновит свою изначальную миссию. Мы будем удерживать зону боевых действий до прибытия на позицию Лебеда смерти.

...которым им сообщили, что они не прервут операцию.

Лена, Крена и дети-солдаты прошептали его имя, будто очнулись ото сна. Все они испытывали разные чувства, но каждый произнес имя безголового Бога Смерти, некогда царствовавшего на поле боя восьмьдесят шестого сектора. Имя бога войны, что некогда повел их за собой.

— Шин...

□

Они еще не разобрались с Альционом. Операция продолжалась.

Сыпавшая с неба картечь вынудила убраться подальше от Наступательно-производственного типа. Но даже вновь вступив в бой, чтобы сократить дистанцию, он продолжил говорить. Голова раскалывалась от синхронизации со всей бронетанковой дивизией, но он вытерпит.

Шин понимал, что они чувствуют. Он также негодовал. Он не хотел сражаться за людей, кто был не лучше белых свиней Республики, и еще меньше — погибать за них. Особенно теперь, когда они наконец-то осознали, что у них есть право отказаться... Право сказать, что не хотят умирать.

Однако...

— Я понимаю вашу злость. Но если закроем глаза на Альциона, следом он может заявиться на фронте Союза. И если мы не захватим управляющее ядро командирского типа — конфиденциальная информация Легиона и рельсовая пушка сама по себе, — у Союза не будет будущего. В этой операции мы не можем поддаться эмоциям и бросить все.

Они не могли из-за злости отказаться от шанса на жизнь, которая больше не была такой переменчивой.

Управляющее ядро Альциона — не имперский офицер. Точно также как ядра Ночесветки или «Шаны», управляющие рельсовыми пушками. Ни в одном из них не содержалась нужная Союзу информация. Но даже так.

Заговорил Мицуда. Не из возражений, а, скорее, как ребенок, потерявший причину для упрямства.

— Но, Шин... Но...

— Я уже сказал, Мицуда. Я понимаю вашу злость. Она обоснована, но не стоит того, чтобы ставить жизни на кон. Если дела примут совсем скверный оборот, мы отступим.

— ...Принято.

Мицуда согласно кивнул, пусть и нехотя. Получив подтверждение, Шин оборвал синхронизацию с целой дивизией. И сразу после он отчетливо ощутил горькую ухмылку Райдена.

— Ну, так или иначе, а уйти из зоны боевых действий так просто, как это прозвучало в словах

Мицуды, не получится.

Десантный отряд участвовал в операции исходя из условия, что наземные силы возьмут на себя уничтожение Легиона на передовой. Противостоять Альциону одно дело, но им будет слишком сложно прорываться с боем через ряды врага с залпами Альциона позади, особенно теперь, когда они не могли рассчитывать на помощь армии Святой теократии.

— Ага. Всем членам отряда — вы меня слышали. Мы возобновляем операцию.

Каждый в десантном отряде разделял отношение Райдена. Никто не жаловался, все оставались напряжены. Операция продолжилась. Однако кто бы мог им подсказать, как долго нужно ждать прибытие Лебеда смерти на расчетную огневую позицию?

— В зависимости от результатов анализа системы охлаждения нам, может, и не придется дожидаться Лебеда смерти для уничтожения Альциона. И если это будет возможно, начнем действовать немедленно. До тех пор постарайтесь не тратить попусту боеприпасы.

□

Она следовала за ним по полю боя как восемьдесят шестого сектора, так и Союза. Тянула — едва ли не с религиозной верой — к нему руки. Но сейчас Крена слушала его с недоверием.

— Почему?

Почему даже в такой ситуации продолжает говорить, будто война закончится? Почему настаивает на том, чтобы верить в этот мир? В мир, который насмеялся над хладнокровно пристреленными матерью с отцом? В мир, что отсек руку «восемьдесят шесть», искренне желающим сражаться до последнего вздоха?

«Белые свиньи точно также забрали у тебя семью. Ты видел своими глазами то, что видела я, — как Сео потерял руку. Так почему? Как ты можешь продолжать верить?»

Уже долгое время между ней и Шином пролежала весома пропасть, раскол. Между «восемьдесят шесть», похожих на нее, и «восемьдесят шесть», похожих на Шина. И теперь она видела это. Стена отделяла тех, кто покинул восемьдесят шестой сектор, и тех, кто не мог этого сделать — тех, кто остался позади.

— Ты собираешься уйти от нас? Скажи...

«Наш Бог Смерти. Или так я думала...

Ты бросишь нас?

Своих товарищей?»

□

— Десантный отряд возобновит свою изначальную миссию. Мы будем удерживать зону боевых действий до прибытия на позицию Лебедя смерти.

Чего-чего, а этого она никак не ожидала.

Слушая непоколебимые и горделивые слова капитана «восемьдесят шесть», Хилно могла только с изумлением уставиться во все глаза.

«Быть не может. Не может. Чтобы “восемьдесят шесть” говорил такое? Нет... После всего...»

Она не смогла сдержать улыбку, расползающуюся по губам.

— Видите? Ваш бог войны, ваш Бог Смерти говорит то же самое, «восемьдесят шесть».

Ни Лена, ни сами «восемьдесят шесть» не видели эту улыбку, до ужаса искореженную... и где-то самоуничижительную.

— Такова ваша роль. Такова воля земной богини и судьба, дарованная вам миром. Вы не знаете ничего помимо битв. Вам негде жить. Вы живете на поле боя, и там же погибните. Вам уготована лишь эта одна-единственная судьба.

«Как и нам.»

□

Шин сказал по синхронизации то, о чем все думали, но не облекали в слова. Ему некогда было обсуждать этот момент, потому что возобновилась битва с Альционом, и поэтому вместо него заговорила Лена:

— Всему личному составу. Вам необязательно воспринимать операцию как спасение Святой теократии. Вы не герои. И можете и должны сражаться по своим причинам.

Оценивать ситуацию и принимать решения — обязанность командира. И она не хотела, чтобы слова Шина обернули против него.

— И даже если вы держитесь за свою гордость биться до последнего вздоха, это совсем не значит, что сражения — единственная ваша цель. Вы не дроны, и вы не оружие. Вы также не

должны давать этому вздору одурачить вас! Однако операцию мы завершим. Мы уничтожим Альцион!

Пусть недовольство, если оно возникнет, будет направлено на нее, а не на Шина. Она ведь королева под началом «восемьдесят шесть». Раз ей не суждено проливать собственную кровь на поле боя, она должна оставаться спокойнее подчиненных.

— И для этого мы прорвем блокаду! Взаимодействуйте с полком Мирмиколеон и откройте брешь в окружении врага!

Сказав это, она вскоре сообразила, что в плане кое-что критически выбивалось из общей картины. Прорвать блокаду. Полное окружение.

Почему?

Войско слабее тогда, когда разбросано по местности. Изрядная часть потерь побежденных сил происходит во время отступления. И именно поэтому общим правилом принято не создавать формирование, которое бы не дало врагу сбежать. В момент оттеснения люди подвержены панике и склонны к бегству также как животные.

Но если путь к спасению отрезан и смерть смотрит прямо в лицо, солдаты будут бороться до последнего вздоха. Наиболее опасны те животные, что загнаны в угол, и точно также солдаты проявят исключительную свирепость, как только освободятся от оков сдержанности и здравого смысла.

Поставив врага в такое положение, атакующая сторона получит еще больше жертв.

Поэтому, когда прибегают к окружению врага, тактику исполняют как бы спустя рукава. Оставить путь к побегу крайне важно, если не стоит задача полностью разбить противника. Раз Святая теократия хотела прибрать к рукам своей армии «восемьдесят шесть», неразумно блокировать Крену, Митихи, Рито и основные силы экспедиционной бригады в окружении.

Ко всему прочему, внезапное нападение было произведено в сомнительно подобранный момент, а группа Лены даже не натолкнулась на вражеских солдат во время побега. Ее и офицеров управления не брали в заложники. И что самое странное, они создали себе неприятности, нажив врагов в лице крупных держав вроде Союза и Объединенного королевства, только ради двух полков.

Что, если цель Хилно не заставить «восемьдесят шесть» сдаться? Возможно ли, что ситуация, полная противоречий и расхождений, сложилась не по воле армии, а...

— ...Уверена, ты прослушиваешь, Хилно, — процедила Лена, переключив канал передачи радиосвязи на волну командного центра Святой теократии.

В тоне ее голоса прослеживалась сдерживаемая злость. Она словно не могла не высказаться.

— Ты же слушаешь меня, да? Так вот, ты не права, Хилно. «Восемьдесят шесть» остаются на поле боя из-за своей гордости, а не судьбы. Они сражаются не потому, что верят, будто этот путь для них единственный. Они сражаются, чтобы положить конец войне!

□

— Нет. Это не так, — горько выплюнула Крена.

Она не злилась только потому, что так говорила Лена. Но скажи об этом кто-то другой, она была бы в ярости.

Они сражались не затем, чтобы положить конец войне. Не все «восемьдесят шесть» придерживались образа мышления Шина. Лена сказала так, потому что все время находилась рядом с ним. Это он хотел закончить войну, а та оглядывалась на него в первую очередь.

Конечно, Крена считала, что конец этой ужасной войне был бы неплох. Она хотела увидеть, как мечта Шина — окончание войны — сбывается. Но если это произойдет, у нее не станет места рядом с ним, и помогать ему она тоже больше не сможет.

Но...

Крена пришла в замешательство от того, как ее мысли кружили по кругу. Чего она хотела на самом деле? Ответ довольно прост. Чтобы все осталось на своих местах. Помогать и дальше Шину и всем товарищам здесь, на поле боя. Тут она хотя бы знала свое дело... Шин теперь чувствовал себя намного свободнее, чем в восемьдесят шестом секторе. И дни, проведенные в окружении товарищей, стали намного приятнее. И чтобы это сохранить...

Крена вспомнила, как однажды Сео сказал ей: «Ты будто совсем не хочешь окончания войны». Тогда она ответила, что не то имела в виду. Неправда. Как раз это она и подразумевала.

— Точно ли войне должен прийти конец?..

«Я...»

Как только эти слова пришли на ум, ее ушей настиг раскат, похожий на таковой от грома после ослепляющей вспышки света. Вспышка прорезала ночь, а гром сотрясал небосвод.

— НЕТ!

Это была Хилно.

□

— Невозможно! Поверить не могу, у республиканки, у одной из этих присвоителей, хватает наглости заявлять такое!

Хилно кричала, будто извергала праведный огонь на серебряную королеву, которая посмела говорить тоном всезнайки.

«Ты не понимаешь. Ты никогда не поймешь чувства тех, у кого все отняли. Никогда не познаешь абсолютную заикленность на том единственном, что осталось.»

— Именно судьба ведет «восемьдесят шесть»! Разве их не изгнала родина, Республика, вынудив жить на поле боя? Если война лишила их всего на свете, если у них не осталось ничего помимо шрамов, даже имен... то это судьба, и от нее не уйти! Они не смогут залечить эти шрамы!

Она, даже не осознавая, стиснула в руке жезл командира. Перед ее глазами будто разворачивался старый кошмар.

Прошло уже десять лет, а она до сих пор помнила — слишком отчетливо — постигшее ее семью зверство.

— Потому что я такая же! Это и со мной случилось! Я никогда не смогу забыть святых, что выдвинули меня на роль трагической марионетки! Я не забуду, что сотворила Святая теократия, не забуду, как они обратили меня в святую войны, чтобы объединить наших людей перед лицом бедствия!

— О чем ты...

— Мою семью, дом Резе, истребил Легион в самом начале войны.

Она слышала, как у Лены перехватило дыхание.

Дом Резе — родословная святых. На членов дома Резе при разразившейся войне лежал долг служить командирами корпусов и дивизий. Но командиров не могли убить так скоро после начала бедствия.

— Юная святая, всю семью которой уничтожил проклятый Легион. Несмотря на ее хрупкость, девочка покарает Легион. Символ Святой теократии, бьющийся благородно с гневом в сердце. Они хотели создать этот образ, и для этого... армия Святой теократии бросила мою семью.

Командный центр корпуса подвергся атаке Легиона. Войска сопровождения на базе отступили от центра из-за случайной ошибки в приказах, а спасательный отряд по чистому совпадению был задержан из-за непредсказуемой засады машин, не успев прибыть вовремя.

В тот момент еще совсем юная Хилно разговаривала с семьей через радиопередачу. С бабушкой, командиром корпуса, мамой, отцом, дедушкой, братьями с сестрами, командирами дивизий и штабными офицерами, и с дядей и тетей.

И пусть это была обычная радиопередача, ей пришлось смотреть, как всю семью безжалостно убивают.

В тот день Хилно позвали немногим раньше инцидента. Она была еще слишком маленькой, чтобы самой забредать в объединенный командный центр. И она только раз связалась с мамой, чтобы поговорить. Святые стояли неподалеку и наблюдали за тем, как она свидетельствовала убийство своей семьи.

Она никогда не забудет их. Ни кошмар. Ни увиденное тогда. Ни мерзкие, бездушные лица сограждан.

— Легион разодрал моего отца, мать, бабушку, дядю, братьев и сестер. А святые, кто позволил этому случиться... сказали, что приняли мучительное решение и пожертвовали стольким многим, лишь чтобы преодолеть тягостное испытание. Они проливали слезы радости, опьяненные своим величием.

□

— Родина украла мою семью, и потому я ни за что и никогда не полюблю эту страну. У меня нет ничего помимо судьбы святой войны, и оставленные ею шрамы я никому не дам забрать. Я никогда не откажусь от них!

Для Крены слова Хилно показались криком своего же отражения в зеркале. Девушка, по ее мнению, похожая на белых свиней — олицетворение всего плохого в мире, — была как они. Она — точно зеркальное отражение «восемьдесят шесть».

Она была ребенком, которому отказали в семье и родине. Она была девочкой, которую ввязали в войну. Она была младенцем с оставшейся одной только судьбой — гордостью жизни на поле боя.

Хилно будто вытащила пробку, удерживающую все внутри. Ее золотые глаза пылали яростью.

«Да, точно. Хилно права.»

Потеряв абсолютно все, Крена не могла отпустить то единственное, что давало ей чувство

идентичности. Пусть это и были шрамы. Особенно не...

— Не говори, будто не можешь понять. Ты последний человек, кто должен пытаться отнять у меня даже это.

Шин несет те же шрамы. И он знает, что она не хочет лишаться их, не хочет отпускать ее.

«Понимаешь, я не могу желать будущего, поэтому... не хочу конца войны.

Не отнимай ее у меня.

Я могу существовать только на поле боя. Не вынуждай уходить с единственного для меня места.»

□

Плач Хилно походил на крик. Крик беспомощного дитя, наконец-то нашедшем после долгих скитаний общность с другим потерянным ребенком. И теперь она цеплялась за собрата по несчастью, рыдая, и отказываясь отпускать.

— Уверена, уж вы-то знаете! Вас, детей-солдат, вынудили стать живыми призраками, что скитаются по полю боя и кормятся войной! И тебя, безголового Бога Смерти, вынудили дарить спасение на поле боя, отвергнутом богами! Вы знаете, этот мир лишь забирает и ничего и никогда не дает взамен! Вы понимаете, знамена добродетели, вроде справедливости и праведности, ничего не стоят!

□

Шин опустил взгляд. Было время, когда он думал точно также. Что справедливость и праведность ничего не стояли. Он посчитал так в восемьдесят шестом секторе, в бараках отряда Остриё копья, в котором ему уготовили бессмысленную смерть через шесть месяцев.

Тогда он даже не сомневался в этом. Думал, что просто такова правда мира.

И вот Хилно говорила о том же. Она прямо как «восемьдесят шесть» — ребенок, изгнанный на поле боя злобой человечества. Она держала в руках знамя правды восемьдесят шестого сектора.

Стояла на месте и отказывалась двигаться. Находилась в ловушке поля боя. Позволила шрамам поглотить себя, а не пыталась их залечить.

□

И Лена, по другую сторону, стояла с широко распахнутыми от шока глазами. Теперь она была уверена. То, что сказала сейчас Хилно...

На голографических окнах Фрейи, на которых отображалась карта местности, вспыхнула точка. Системы радаров Регинлейвов, в данный момент окруженные врагом, выявили новую цель и, несмотря на электромагнитные помехи, передали данные Фрейе.

Вернулась сигнатура «свой-чужой». Это был разведывательный взвод 2-го армейского корпуса Святой теократии, И-Тафака. Увидев сигнал, Лена окликнула того, кто вот-вот собирался войти с ними в контакт — одного из отряда Ятаган:

— Гремлин!

□

Неожиданное предательство Святой теократии, помеха в виде пепла в воздухе, понимание, что десантный отряд теперь изолирован. Эти события перемешались, отзываясь замешательством и паникой в животе процессора в Гремлине. И поэтому, когда сигнал о приближении раздался внутри кабины, он только и мог, что ахнуть от удивления.

Он отпихнул крадущегося сзади Льяно-Шу, но потом повернулся и заметил внезапно возникший объемный силуэт Фах-Марас за пепельной завесой. Кабина открылась, и оттуда выпрыгнула человеческая фигура. У этого человека была эмблема шестикрылой хищной птицы 2-го армейского корпуса Святой теократии.

«Так близко подобрались?!»

Паника процессора достигла апогея. Он машинально зафиксировал прицел пулемета на солдате в жемчужно-серой защитной одежде, который по неизвестной причине принялся махать руками в воздухе.

— ГРЕМЛИН! — крикнула Лена через синхронизацию. — Не стреляйте!

— ?!

Затем он также машинально увел ствол и отпрыгнул, чтобы не попасть под выстрел и увеличить расстояние. Только тогда до него в полной мере дошло, что солдат, вышедший из своего агрегата, отбросил оружие. Тот стал неоднократно указывать на бесформенное лицо в очках и маске, и процессор понял намерение и переключился на частоту Святой теократии.

Электромагнитные помехи 3-го армейского корпуса не распространялись настолько далеко. По радиосвязи в громком треске статического шума прозвучал голос молодого человека, заговорившего на языке Республики, ненамного старше самого процессора.

— Мы не ваши враги! Выслушайте нас, «восемьдесят шесть»! — произнес тот, заикаясь.

□

Услышав эти слова через синхронизацию, Лена подтвердила свои подозрения.

«Так значит...»

— Хилно. Так за всем этим... стоишь ты одна, да?

Решение предать Союз приняла не Святая теократия. А только Хилно.

□

Сражение с 8-й дивизией Святой теократии и полком в засаде шло в самом разгаре, но сомнение и замешательство продолжало одолевать Митихи. И чем дольше велся бой, тем сильнее рос внутренний конфликт.

Вероятно, это было связано с разговором Лены и Хилно, в котором выяснилось ее прошлое. История девушки — будто отражение ее собственной. Та же самая абсурдность разрушила жизни «восемьдесят шесть». Одиннадцать лет назад, когда разразилась война с Легионом, Митихи и ее товарищи были лишь детьми. Их внезапно изгнали в лагерь для интернированных, где потом разделили с родителями, бабушками и дедушками, братьями и сестрами. Их приговорили к сражениям в роли деталей беспилотников и вынудили умирать во благо республиканских Альб.

Каждого из них жестоко лишили домов, семей и даже непорочности, благодаря которой они мечтали о будущем.

И то же самое произошло здесь. В этой стране далеко на западе. И, быть может, такое случается везде.

«Ради чего я сражаюсь на самом деле?»

Сомнение свело руки Митихи. Она поняла, что управляет агрегатом не так оперативно, как обычно, но сделать с этим ничего не могла. Казалось, она бьется с собственным отражением в зеркале, и даже опытные солдаты «восемьдесят шесть», такие же, как она, колебались.

«Не думай об этом. Я должна сосредоточиться на прорыве блокады, чтобы уйти отсюда подальше.»

Она встряхнула головой, проглотив всплеск детской беспомощности, от которой захотелось заплакать.

Фах-Марасы под командованием командира вражеского отряда сопровождали дроны Льяно-Шу. Если она уничтожит материнский агрегат, Льяно-Шу остановится сам собой, поэтому быстрее будет разобраться именно с Фах-Марасами.

Но Митихи с товарищами сконцентрировали внимание на уничтожение Льяно-Шу: выцеливали вместо управляемых агрегатов дроны с удаленным управлением. Они не хотели убивать людей. Сражаться до самого конца — может, это и было их гордостью, но они не желали убивать.

Всю жизни они воевали с Легионом, и теперь это первая битва «восемьдесят шесть» против таких же людей. И они не хотели быть ее частью. Не хотели опускаться до убийств.

На нее нацелилась безоткатная пушка Льяно-Шу. Если она отпрыгнет, как поступала до этого, то ноги увязнут в пепле. Вцепившись стальной хваткой в рычаги управления, она решила остаться на месте и навести дуло автоматической пушки.

Угол наклона башни Регинлейва был сильно ограничен, зато она могла поворачиваться. Выходило намного быстрее дрона Святой теократии, которому необходимо развернуться всем корпусом.

Она сжала триггер.

Снаряд поразил сочленения передних ног. Враг потерял опору, рухнул, и Митихи добила его еще одним залпом. Стрелять в первую очередь по ногам — ее обычный боевой стиль, выработанный в сражениях с машинами гораздо проворнее Джаггернаутов.

Выстрел из 40-мм автоматической пушки был достаточно мощным, пусть и не настолько разрушительным, как из 88-мм. Огонь раздробил Льяно-Шу, хотя форму свою дрон сохранил. Но тут вдруг передняя броня распахнулась, будто открылась кабина. И изнутри выкатилась маленькая ручка, похожая на рваную кукольную ручку.

«А?!»

Митихи в ужасе выпучила глаза.

Маленькая ручка ребенка. Это... самоходная мина? Но что Легион делает внутри Льяно-Шу?

Митихи ничего не понимала. Мысли наводнили ее разум, кружась в неконтролируемом хаосе. Она только что стала свидетелем реальности, которая не вызывала сомнений и не требовала прояснения, и все же она отказывалась верить своим глазам. Инстинкты отвергали любые попытки понимания, кричали отрицать правду.

Под передней броней Льяно-Шу... нет, внутри сорванной огнем автоматической пушки кабины...

□

...лежали останки девочки не старше десяти лет.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1824317>